

COLIN HENRY
WILSON

SPIDER WORLD

THE TOWER
THE DELTA

КОЛИН
УИЛСОН

МИР ПЛУКОВ

БШНЯ
ДЕЛТА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(4Вел)-44
УЗ6

Серия «Мастера фантазии»

Colin Wilson
SPIDER WORLD:
THE TOWER
THE DELTA

Перевод с английского А. Шабрина

Серийное оформление А. Кудрявцева

Художник Е. Фerez

Печатается с разрешения наследников автора и литературных агентств
Watson, Little Ltd. и The Marsh Agency Ltd.

Уилсон, Колин.

УЗ6 Мир пауков: Башня. Дельта [фантастические романы : перевод с английского] / Колин Уилсон. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 720 с. — (Мастера фантазии).

ISBN 978-5-17-106164-7

Земля далекого завтра, опаленная радиоактивным хвостом кометы, привела остатки человечества на грань выживания. Люди прячутся в пещерах, с трудом добывая себе скудное пропитание. А хозяевами планеты отныне стали главные их враги — гигантские пауки, обладающие способностями телепатически воздействовать на свои жертвы. И так было до тех пор, пока на тропу войны с мыслящими насекомыми не вышел Найлз...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-106164-7

© Colin Wilson, 2001
© Перевод. А. Шабрин, 2017
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2018

БАШНЯ

Посвящаю эту книгу Салли, Дэймону и Ровану, а также тому, перед кем я в особом долгу, — Дональду Симэну. Мы с ним собирались писать «Мир пауков» в соавторстве. От этой идеи пришлось отказаться на раннем этапе, но в процессе работы я часто пользовался его советами и подсказками.

Еще я глубоко благодарен профессору Джону Клодсли-Томсону, ведущему английскому специалисту по пустыням, за бесценный совет, очень пригодившийся при создании первого тома.

Корнуолл, 1986

Часть первая

ПУСТЫНЯ

В тот миг, когда холодный ветер рассвета, очнувшись, шепчуще коснулся плоского камня, закрывающего вход в пещеру, Найл, прикинув ухом к щели, с напряженным вниманием вслушался. Всякий раз в такой момент ему казалось, что в голове вспыхивает крохотный солнечный зайчик, а все вокруг внезапно замолкает и каждый звук обретает обостренную четкость. Вот сейчас, к примеру, он различал частую поступь крупного насекомого, с тихим шелестом спешащего сверху через песок. Проворство невесомых движений подсказывало, что это фаланга, а может, и паук-верблюд. Мгновение спустя насекомое мелькнуло в поле зрения. Точно, паук: бочкообразное мохнатое туловище, в непомерно больших челюстях остатки ящерицы. Мгновение — и его уже нет; опять тишина, только ветер монотонно шумит в ветках кактуса-юфорбии. Впрочем, насекомое дало ответ на то, что Найлу требовалось знать: поблизости нет ни скорпиона, ни жука-скакуна. Паук-верблюд — ненасытнейшее из тварей, жрет до тех пор, пока утроба не раздувается настолько, что и бегать не в состоянии. Этому, прошмыгнувшему, судя по всему, еще лопать да лопать. Если б поблизости находился хоть кто-нибудь, подающий признаки жизни, паук бросил бы недоеденную добычу и кинулся бы на очередную жертву.

Осторожным движением, напоминающим гребки пловца, Найл развел руки в стороны и смахнул песок, после чего, лавируя поджарым телом, выбрался наружу. Солнце на горизонте едва забрезжило, от песка еще веяло ночным холодом. То, из-за чего он оставил жилище, находилось метрах в пятидесяти, возле самой кактусовой поросли. Растение уару, зеленая плоть ко-

торого, толщиной и податливостью напоминающая мочку уха, накапливает росу и удерживает ее будто в чаше. Вот уже полчаса Найл лежал без сна со свербящей от жажды глоткой и вожделенно представлял, как припадет губами к льдисто-холодной влаге. Вода у них в жилище была та, что таскали из подземной глубины муравьи-трудяги, но была она рыжего цвета и имела железистый привкус. Льдистая же роса уару в сравнении с ней — просто нектар.

Чаша растения — два сведенных воедино листа — была полна росы, поблескивающей по краям кристалликами изморози. Опустившись возле растения на четвереньки, Найл окунулся в чашу лицом и сделал первый глоток — долгий, медленный, сладостный. От удовольствия мышцы дрогнули и расслабились. Ледяная вода для жителя пустыни — едва не величайшее из наслаждений. Возник соблазн выпить все до последней капли, но опыт подсказывал: не стоит. Мелко сидящим корням уару эта влага необходима для жизни; если выпить все, растение погибнет и одним источником воды станет меньше. Поэтому Найл отвел губы, хотя воды оставалось еще порядочно. Однако уходить не спешил, а все смотрел на прозрачную воду, будто впитывая глазами. А душу, народившись, заполнила прохладная волна восторга. В уме ожила странная, неведомо от кого и как унаследованная память о золотом веке, когда воды было вдоволь, а люди не прятались, подобно насекомым, под покровом пустыни.

Глубокий умиротворенный покой спас Найлу жизнь. Когда он поднял голову, взгляд его остановился на шаре, скользящем по призрачно-бледной восточной части небосклона. Шар двигался в его сторону, быстро покрывая разделяющее их расстояние в полмили. Найл мгновенно, не успев даже этого осознать, подавил в себе безотчетный, слепой ужас, глубокий, как инстинкт. Справиться с ним было, безусловно, труднее, если бы Найлом вот только что не владело глубокое умиротворение. Почти сразу до парня дошло, что его скрывает тень гигантского кактуса-цереуса, возносящегося колоннадой своих стеблей на высоту в десяток метров. Смуглое тело Найла, вполне вероятно, было и вовсе неразличимо на фоне темного западного горизонта, еще не высветленного лучами солнца. Единственное, что

могло выдать, это инстинктивный ужас. А подавить его ох как непросто: ведь шар несся прямо на него, а угнездившаяся там тварь, кто знает, может, уже и заметила свою добычу. Найл мельком подумал о семье — там, внизу, в пещере. Хорошо, если они все спят.

Между тем шар опустился ниже, завис сверху, и тут Найл впервые в жизни пережил зловещее ощущение угрозы, излучаемое охотящимися пауками-смертоносцами. Будто чья-то чужая воля — непреклонная, враждебная — хлестнула покров пустыни подобно лучу прожектора, с почти осязаемой силой пронизывая каждую выемку, каждое затемненное углубление, намеренно нагнетая ужас, пока тот, переполнив человечесью душу через край, не хлынет верхом, словно раздирающий горло истощенный вопль. Найл старался не поднимать глаза; он перевел их на чашу уару, пытаясь уподобить ум чистой, недвижимой глади воды. И именно в тот момент он испытал небывалое ощущение. Его ум будто почувствовал душу уару, пассивную зеленую душу, единственное стремление которой — пить, поглощать солнечный свет и оставаться живой. Одновременно с этим он ощутил и более стойкие — даже можно сказать надменные — души высоченных цереусов, поднимающих узкие шипастые персты-стебли к небу, словно бросающих дерзкий вызов. Сама земля, казалось, обрела прозрачность; Найл ощущал, где там именно находится семья: родители, брат, две сестренки. Все спали, лишь отец беспокойно шевельнулся, когда полоснул зловещий луч.

Прошло несколько секунд, и все кончилось: шар, успев уже отдалиться на десятки метров, скользил в сторону гористой возвышенности, поднимающейся к небу на горизонте. Луч враждебной чужой воли стегал пустыню, теперь уже на расстоянии; он различал его так же ясно, как если бы это был сноп прожектора. Найл сидел совершенно неподвижно, следя взглядом за маячащим в воздухе шаром; любопытно, что луч осмотрительно вильнул, огибая выпирающий из земли острый выступ матерой скальной породы.

Когда шар скрылся, Найл поспешил обратно в пещеру, двигаясь проворно и бесшумно, как приучен был с детства. Тем не менее звук его поступи разбудил отца: пружинисто подскочив,

тот застыл в напряженной позе, кремневый нож сжат в руке. Поглядев на сына, Ульф понял: что-то произошло.

— Что там?

— Паучий шар, — произнес Найл шепотом.

— Где?

— Уже прошел.

— Он тебя заметил?

— Думаю, нет.

Ульф издал протяжный выдох облегчения. Подобравшись к лазу, он внимательно прислушался, затем рискнул выглянуть. Солнце теперь взошло над горизонтом, придав безоблачному голубому небу белесоватый оттенок.

Из темноты послышался голос Вайга, старшего брата:

— Что там?

— Охотятся. Они... — отозвался Найл.

Вайгу не пришлось переспрашивать: «они», произнесенное таким тоном, могло означать лишь пауков-смертоносцев. Их охотничьи облавы составляли наисущественную часть в жизни горстки людей, большей частью хоронящихся под землей. Сколько люди себя помнили, на них все время охотились. Скорпионы, жуки-скакуны, полосатые скарабеи, кузнечики-гиганты. Но чаще всех пауки-смертоносцы. Жуки и москиты были естественными врагами, с ними порой удавалось совладать. Убить же смертоносца значило навлечь на себя страшную месть. Джомар, дед Найла, когда был у них в рабстве, видел, какой каре они подвергли небольшое поселение людей, убивших смертоносцев. Тысячи и тысячи восьмилпых вылезли на облаву. Живая цепь из пауков растянулась по пустыне более чем на десяток миль, сверху нависали сотни шаров. Когда людей наконец изловили — их оказалось около тридцати, считая детей, — всех доставили в городище Смертоносца-Повелителя. Там их вначале провели перед его жителями, а затем устроили мрачный церемониал. Несчастных парализовали ядом; жертвы находились в полном сознании, но были совершенно лишены возможности двигаться, могли лишь водить глазами и моргать. Их жрали заживо в течение нескольких дней: нарочно медленно, растягивая удовольствие. Главный зачинщик оставался в живых почти две недели, пока не превратился в бесформенный огрызок.

Никто не знал, отчего пауки так ненавидят людей; даже Джомар, проживший среди них столько лет, прежде чем бежал на паучьем шаре. Насколько было известно Джомару, пауки, специально занимающиеся отловом людей, исчислялись тысячами. Может, потому, что человечина почиталась у них за изысканнейший деликатес? Но зачем оно им, если смертоносцы и так держали себе на корм людское стадо? Судя по всему, им должны были нравиться те, что пожирнее, — такие, чтоб едва двигались от обилия веса. Тогда на что им, спрашивается, худосочные обитатели пустыни? Видимо, для беспросветной ненависти к людям у смертоносцев была иная причина.

Теперь пробудились и остальные — мать Найла Сайрис и две младшие сестренки, Руна и Мара. Улф старался говорить тише, чтобы младшенькие не слышали, иначе заподозрят неладное и запаникуют. Страх малышей не удержишь; он просачивается наружу подобно мучительным, тревожным содроганиям или удушливо-тошнотворному запаху.

Вайг, примостившийся у камня при входе, поманил отца к себе. Найл тоже перебрался ближе к лазу. Прежде чем две головы — отцова и брата — сдвинулись вплотную, заслонив обзор, он успел углядеть белый шар, проворно скользящий высоко над верхушкой трубчатого кактуса.

Улф тихо произнес:

— Маленьких надо усыпить.

Вайг, кивнув, исчез в недрах пещеры, там, где держали муравьев. Минут через десять возвратился, неся долбленную посудину сладкого комковатого вещества, которое муравьи выделяют из зоба. Малышки, не избалованные такими щедрыми порциями, жадно набросились на лакомство. Найл, получив свою тарелку, вдохнул исходящий от нее тяжелый, приторный аромат ортиса — растения из лесов Великой Дельты. Однако засыпать ему не хотелось. Он теперь был уверен, что не потеряет самообладания. Проглотив немного пищи, чтобы не досадить отцу, он, улучив момент, незаметно сунул тарелку под травяную подстилку. Минут через пять девочки уже спали, Найл тоже чувствовал приятную осоловелость, вызванную наркотиком: ровное греющее тепло, приглушающее чувство голода. Ум, однако, оставался начеку.

Сайрис дождалась, пока девочки уснут, к комковатой медвяной каше едва притронулась. Как и Найл, засыпать она не думала. Не оттого, что собиралась защищать жилище; для того лишь, чтобы умертвить вначале детей, затем себя, если смертоносцы отыщут, где они спрячутся.

Острый щуп страха пронзил жилище как раз в тот момент, когда она глотала первый кусочек пищи. Возникло ощущение, будто сейчас в самом деле паучище действительно ввалится сюда. На какую-то секунду Найл сам едва не лишился самообладания, однако вовремя сообразил, что неизъяснимый этот страх ничего за собой не имеет. Сайрис сладить с ним оказалось сложнее. Найл угадал, почти физически ощутил страх, готовый прыгнуть из нее словно истерический вопль. Ульф и Вайг тоже это почувствовали. Пауку каким-то образом удавалось, выстреливая импульсы утрашения, вызывать усиленную ответную реакцию. Один Найл полностью сохранял самообладание и спокойствие. Он сузил свое сознание до точки. В мозгу светился лишь крохотный яркий огонек; юноша чувствовал странную отрешенность от всего окружающего, от себя самого.

Щуп страха на миг потерял устойчивость, словно замер, прислушиваясь. Однако люди уже владели собой. Пещеру наводнила напряженная, тяжело вибрирующая тишина. Малышки безмятежно посапывали. По мере того как щуп страха таял, подобно исчезающему вдали звуку, Найл ощутил короткую вспышку удовлетворения. Не усыпи они маленьких, те разом бы выдали всю семью волнами беспомощного ужаса, исходящими из несмышленных умишек; так случалось уже с сотнями человеческих семей. Сок ортиса был поистине даром провидения, хотя и стоил жизни Грогу и Хролфу, дяде и двоюродному брату. Оба не совладали с хищным растением и достались ему на съедение.

Еще раз в тот день колющее жало страха пронзило жилище, но ум у людей оставался спокойным, как и тело. Они не выдали своего присутствия ни единым отзвуком. Опершись спиной о гладкую стену пещеры — песок, цементированный слюной жука-скакуна, — Найл сидел будто окаменелый. По мере того как разгорался день, температура в пещере неуклонно повышалась. Обычно они заваливали вход сучьями и камнями, а ветер

довершал работу, забивая щели песком. Но Улфу хотелось наблюдать за приближением паучьих шаров. Зная об атаке заранее, легче противостоять. Поэтому проем под плоским камнем оставили открытым, и в горловину входа задувал теперь жаркий ветер пустыни; слой песка ковром стелился по полу. Девочки разметались во сне, все в поту. Взрослые не обращали внимания на жару: напряженное ожидание заставляло забыть обо всем. Дважды Сайрис приносила еду: плоды опунции и сушеное мясо. Однако ели мало, глаза у всех неотрывно следили за полоской выцветшего от жары неба.

Уже после полудня ведущий наблюдение Найл заметил на горизонте очередной шар. Две-три минуты спустя слева возник второй, затем еще один справа. Вскоре шары заполнили все небо; насчитав двадцать, Найл бросил это занятие. Сердце холодело от одного лишь их вида. Обернувшись, он шикнул остальным. Те тотчас подобрались к нему, остановившись неподалеку от проема, чтобы не мешать друг другу.

— Почему так много? — недоуменно спросил Улф.

Найл удивился недогадливости отца. Пауки прознали, что откуда-то снизу в них пристально вглядываются человечьи глаза. Они, наверное, пришли в ярость оттого, что где-то в недрах пустыни затаилась и наблюдает за ними из тайного укрытия их же добыча, а выманить ее наружу никак не удастся. Цель была бы достигнута, появившись шары с другого направления: сказала бы внезапность. Но за те пять минут, пока армада выплывала из-за горизонта, люди имели возможность побороть страх. Ветер к этой поре усилился, и шары понесло быстрее обычного. Волна нахлынула ненадолго. Людей словно накрыло лучом прожектора, но вот он сместился и оставил их в покое.

Со своего места Найлу отчетливо было видно, что среди шаров соблюдается любопытная симметрия. Втайне он догадывался, какая тому причина. В одиночку им трудно определить, где именно скрывается добыча. Шар охватывает сравнительно большой участок местности, покрывая его вроде колпака. Но чтобы установить, откуда именно исходит отклик на импульс страха, пауку необходимо сузить диапазон поиска, что непросто; сама точка может находиться где угодно в радиусе до мили. Если же сигнал паники уловят разом два шара, сектор поиска

сузится и добыча окажется замкнутой в ножницы импульсов. А если в поиск вовлечена не пара, а целое сонмище шаров, задача тем более упрощается.

Любопытно; мельком подумав об этом, Найл испытал странное злорадство. Похоже, он начинал уяснять содержимое паучьих умов; его больше не донимал страх неизвестности. Но инстинкт подсказывал: обольщаться не стоит.

В предвечерний час очнулись от сна малышки. Лица у них покраснели от жары, губы запеклись от сухости: обычная картина после сока ортиса. Сайрис дала девочкам попить, а затем последовало и угощение: по сочному куску терпкой на вкус, вяжущей опунции. После этого детей снова накормили дурманящей кашей, и те забылись сном. Мара, младшенькая, часто дышала, длинные волосы повлажнели от пота. Мать сидела возле, бережно обняв ребенка. Мара была общей любимицей. Едва не потеряв девочку три месяца назад, семья теперь относилась к ней еще бережней.

Как-то вечером Мара играла в кустах юфорбии. Неожиданно на нее напал большой желтый скорпион. Найл в это время собирал плоды опунции. Заслышав пронзительные крики, он не мешкая кинулся на помощь. Примчался он как раз вовремя: скорпион уже лез в свое логово под камнем, сжимая тельце ребенка в гигантских клешнях. Найл окаменел. Он не раз зачарованно наблюдал, как скорпион, парализовав добычу ударом изогнутого хвоста, свирепо кромсает и рвет ее хитиновый покров короткими и мощными клыками-хелицерами, торчащими по краям пасти. Затем впрыскивает в обнажившуюся плоть пищеварительный фермент, размягчающий пищу, и сглатывает. Первым желанием у Найла было рвануться и попытаться отнять сестренку. Но вид влажного жала, которым с готовностью помахивал гигант, вовремя образумил Найла: это равносильно самоубийству. Он побежал назад к пещере, зовя отца. Ульф действовал с хладнокровием человека, чья жизнь нередко напрямую зависит от выдержки. Он повернулся к Вайгу:

— Огня, скорее.

Казалось, прошла уйма времени, прежде чем Вайг показался из пещеры с пучком горящей травы. Нахватав в охапку сухой, похожей на солому эспарго, они ринулись через кактусо-

вую поросль к логову скорпиона, временами спотыкаясь. Логово находилось под большим плоским камнем. Насекомое настороженно их поджидало; можно было различить, как в темноте из-за больших клешней поблескивает ряд глазков. Между тем факел из травы почти уже прогорел.

Ульф раздул огонь, зажигая первый пучок травы, и без колебаний устремился к входу в логово. Скорпион отступил перед огнем и дымом, издав сухое угрожающее шипение. Ульф пинком послал догорающую траву в горловину лаза, а сам резко вильнул в сторону, и вовремя: скорпион, изогнув жало, сделал бросок. Здоровенные клешни затрудняли движения насекомого, направление следующего броска можно было предугадать. Вайг, схватив еще один горящий пучок, метнулся вперед и, всадив его в разомкнутую клешню, тоже отпрянул в сторону, иначе тварь его просто бы смяла.

Зашипев от боли, скорпион инстинктивно повернул назад в логовище, но доступ ему преградил размахивающий факелом Ульф. Найл знал, что делать. Он кинулся в логово; какое-то время стоял, озирая раскромсанные панцири жуков, затем, отыскав глазами сестренку, подхватил ее и выбежал с ней наружу. Скорпион, видя, что добыча ускользает, пустился было вдогонку, но Вайг, опередив, метнул копьё, угодив насекомому между клешнями. Найл, передав бездыханное холодное тельце девочки Сайрис, обернулся. Неудачливый похититель уходил через пустыню. Вайг потом рассказывал, что копьё прокололо скорпиону два глаза.

Мара не подавала признаков жизни. Холодным было неподвижное бледненькое тельце, отдающее характерным запахом скорпионьего логова. Сердце не билось вовсе. Но минуло два дня, и ребенок задышал, а спустя неделю девочка могла уже ползать по полу жилища. Прошел еще целый месяц, прежде чем яд выветрился полностью. Только черный рубец у девочки на плече остался напоминанием о схватке со скорпионом.

Очередная облава паучьих шаров, четвертая по счету, состоялась через час. Отец легонько коснулся плеча Найла, и до юноши дошло, что он, оказывается, дремлет. Все еще находясь под спасительным покровом дремоты, он почувствовал импульс страха, словно дуновение холодного ветра, от которого кожа